

Золотой город в осеннюю пору. Днем еще теплится крохотная капля тепла, но стоит солнцу склониться к закату, как холод, подобно невидимому приливу, хлынет со всех сторон, просачиваясь в каждый уголок, в каждый вздох.

Жун Му — или, вернее сказать, Король Мэй — тащился по пустеющим улицам. Его парчовый халат, насквозь промокший, а затем кое-как просушенный теплом собственного тела и холодным осенним ветром, лип к коже мятыми, неприятными комками. Острая, пронизывающая до костей стужа от той ледяной воды давно отступила, уступив место чувству куда более глубокому и изматывающему — голоду.

Неистовый, исходящий из самой сути этой брenneй плоти, голод сжал его желудок невидимой рукой, заставляя тот содрогаться в судорогах протеста. С того момента, как он очнулся во вчерашнем дне в Западном тереме, во рту у него не было ни крошки, ни капли влаги. Тело, и без того истощенное безудержным распутством, сейчас было слабым до головокружения, а перед глазами то и дело плыли черные мушки.

Громкое бурчание в животе прозвучало в тишине переуллка оглушительно. Король Мэй замер, и его лицо почернело, словно днище котла.

Подонки! — мысленно изрыгнул он проклятия. — Когда я правил миром призраков, на вино из цветов хиганбаны у Кровавого пруда или на нектар из тысячелетнего холодного нефрита я даже не смотрел! А теперь меня доводит до такого жалкого состояния ничтожный голод смертного! Это тело... просто отброс из всех возможных отбросов!

Он попытался воззвать к остаткам своей былой силы, чтобы противостоять холоду и голоду, но обнаружил, что та замерла, подобно стоячей воде. В нынешнем состоянии она ничем не могла помочь нуждам плоти, а из-за голода даже само усилие давалось с трудом. Это лишь усилило его раздражение.

Тигр спустился с гор, и его третируют собаки, дракон попал на мелководье, и над ним издеваются креветки! Правду говорили древние! — он стиснул зубы. — Как только я верну свою мощь, я выкуплю все рестораны этого Золотого города и буду объедаться деликатесами, пока не стошнит! Нет, я прикажу схватить поваров и отправить их в Чертоги Преисподней, чтобы они пекли закуски лично для меня!

Однако фантазии в духе А-Кью не могли наполнить желудок. Пришлось взглянуть правде в глаза: в карманах — ни гроша.

Он машинально ощупал себя. Кроме этого грязного, мятого халата, который сейчас не стоил и ломаного гроша, да нефритовой подвески на поясе — на вид ценной, но которую он ни за что не рискнул бы заложить, опасаясь, что в ломбарде его узнают люди семьи Жун или кто-то из знакомых, — у него не было ровным счетом ничего.

В былые времена мои запасы духовных камней возвышались горами, а сокровищ в мире призраков было не счесть — стоило мне отбросить лишь крохи, и смертным этого Золотого

города хватило бы на несколько жизней! А теперь... — он посмотрел на уличного торговца, продающего дымящиеся мясные булочки. Аромат едва не лишил его рассудка. — А теперь я должен унижаться ради нескольких медяков на эту еду?! Несправедливое небо!

Он заставил себя отвернуться от прилавка и ускорил шаг, надеясь найти хоть какое-то укрытие от ветра. В скудных, почти лишенных жизненных навыков воспоминаниях прежнего Жун Му он с трудом отыскал крупицу информации: на западе города есть заброшенный храм Земли, а на севере — каменный мост, под аркой которого, возможно, можно переждать ночь.

Когда он, спотыкаясь, по памяти добрался до этого храма, сердце его упало. Постройка была в ужасающем состоянии: крыша прохудилась, двери и окна покосились, повсюду паутина, пыль, а воздух пропитан затхлостью и... едким запахом, напоминающим экскременты неведомых тварей. Пара нищих, свернувшихся в углу, подняли головы и настороженными, остекленевшими глазами уставились на «новичка».

Король Мэй застыл на пороге, охваченный смятением. Мои покои у Кровавого пруда были в десять тысяч раз чище этого места! Чтобы я, Король, делил кров с этими... этими нечистотами? — достоинство владыки призраков было уязвлено как никогда.

Он без колебаний развернулся и ушел. Лучше замерзнуть, чем остаться здесь! Мой статус не позволяет мне опускаться до такого!

В итоге он оказался под каменным мостом на севере города. Здесь было получше, чем в храме: по крайней мере, не дуло. Хотя было сыро и холодно, а от реки тянуло тинной, зато не было нищих и явной грязи. Он выбрался в относительно сухой уголок и сжался в комок.

Холод, словно тысячи тонких игл, пронзал тонкую ткань халата и впивался в кости. Он обхватил себя руками, тело непроизвольно дрожало. Осенний ветер, гуляя под мостом, выл, нагоняя еще больше тоски.

Холодно... — зубы его начали стучать. — В былые времена, когда я практиковался в ледяной тюрьме на крайнем севере, даже десяти тысячелетний лед не был так холоден, как мое сердце! А сейчас этот жалкий ветерок... Апчхи! — громкое чихание прервало его внутренний монолог, из носа едва не потекло.

Он с досадой вытер нос рукавом и, глядя на подозрительное мокрое пятно, ощутил глубокую печаль. Мэй Ду, великий и прославленный, дошел до такой жизни! Если бы мои старые враги из мира призраков узнали об этом, они бы со смеху... нет, у них нет гробов, они бы со смеху души свои рассыпали в прах!

Ночь углубилась, огни Золотого города постепенно гасли, лишь кое-где вдали мерцали фонари. Под мостом царил непроглядная тьма, тишину нарушали лишь редкий стук копыт да колотушка ночного сторожа. Голод и холод не давали сомкнуть глаз; сознание было пугающе ясным, или, вернее сказать, он был вынужден мучительно осознавать каждое мгновение своего страдания.

Се Мовэй... — в этом холоде имя само всплыло в памяти. — Если бы ты увидел меня сейчас, ты бы усмехнулся и сказал: «По заслугам», или... — он запнулся и горько усмехнулся. — Или остался бы с тем же мертвым лицом и прошел мимо? Скорее второе. Ледышка остается ледышкой, даже если бы я превратился у него на глазах в ледяную статую, он бы лишь поморщился, что я мешаю проходу.

При мысли о Се Мовэе хрупкость, рожденная холодом, сменилась более сильным чувством — досадой, гневом и еще чем-то... сложным и навязчивым, в чем он сам не хотел себе признаваться. Разве не из-за этого человека все началось?

Нет! Я не могу здесь умереть! — инстинкт выживания и жажда мести сплелись воедино, заставляя его взять себя в руки. — Нужно добыть еды, найти деньги, нужно просто выжить!

Он начал лихорадочно рыться в памяти Жун Му, пытаясь найти хоть какой-то способ раздобыть средства. Увы, Жун Му умел только спускать деньги, но не зарабатывать. В его голове были лишь еда, вино, бордели и азартные игры — никакой пользы.

Никчемный отброс! — Король Мэй был готов биться головой о землю. — Кроме как удачно родиться, он ни на что не годен! Даже как гуляка он был непрофессионален! Хоть бы с ростовщиками познакомился или знал, где сбыть краденое!

Как раз когда он мысленно изливал ярость и был близок к отчаянию, живот снова предательски заурчал — громче и настойчивее, чем прежде.

Король Мэй замолчал. Он посмотрел на свои руки, которые когда-то одним щелчком решали судьбы тысяч призраков, а сейчас онемели от холода.

Абсурдная, унижительная, но в данный момент единственно реальная мысль прокралась в его голову:

А что, если... поступить как те нищие... и... попросить?

Как только эта мысль возникла, его гордость с размаху ударила ее наотмашь! Дерзость! Разве я могу унизиться до такого! Лучше сдохнуть с голоду!

Однако десять минут спустя...

Юноша в рваном парчовом халате, с растрепанными волосами и синяком на лице, нерешительно зашаркал к лавке с вонтонами, где все еще горел фонарь и хозяин собирался закрываться.

Хозяин, старик с седыми волосами, убирал посуду.

Король Мэй открыл рот, но слова «будьте добры» застряли в горле. Лицо горело так, словно его только что ударили по щекам.

Старик, заметив его, поднял голову. Оценив жалкий вид юноши, он помедлил, вздохнул, вытащил из-под прилавка завернутую в промасленную бумагу половинку сухой лепешки и протянул ее.

Возьми, парень. Она еще свежая, перекуси, — голос старика был полон жалости.

Король Мэй смотрел на эту половинку лепешки, и чувства его были крайне противоречивы. Взять? А как же достоинство Короля? Не взять? Живот вопил о помощи.

В конечном счете физиология победила психологию. Он почти выхватил лепешку, невнятно пробормотал что-то похожее на «спасибо...» и бросился бежать, словно за ним гналась целая армия.

Вернувшись под мост, он отвернулся от возможного взгляда и, как вор, жадно вгрызся в жесткую, твердую лепешку. Вкус был так себе, но в этот миг она казалась ему самым изысканным лакомством в мире.

Жуя, он злобно думал:

Старик! Ты еще проявишь благоразумие! Когда я вернусь на вершину, я одарю тебя горой золота! Нет, двумя!

А семья Жун! Управляющий Ли! Ждите! За эту «милость» в виде половинки лепешки я воздам вам сторицей... нет, десятитысячекратно! Завалю вас духовными камнями до смерти!

Проглотив последний кусок, он облизал крошки с губ и, прислонившись к холодной опоре моста, уставился на клочок ночного неба.

Голод временно отступил, но холод остался. Чувство унижения, словно ядовитый плющ, обвивало сердце.

Но в то же время внутри него крепла более ясная и решительная воля.

Падение на самое дно, ночевки под открытым небом, растоптанное достоинство.

Но это не сломит меня, Мэй Ду.

Это лишь сделает меня собраннее. Я осознал: сила — это основа всего.

Он закрыл глаза и начал пытаться направлять остатки своей энергии — очень медленно, чтобы согреться, и чтобы... ухватиться за любой шанс стать сильнее.

Ночь была длинной, но свет рассвета всегда пробивается даже в самую глубокую тьму под мостом.

<http://bllate.org/book/18805/1828728>